

Он всё ещё стоял на коленях позади всех, как и любой другой невзрачный евнух: опустив голову, не шевелясь.

Никто не обращал на него внимания.

Никто не догадывался, что всё, произошедшее сегодня, было от начала до конца срежиссировано этим маленьким евнухом, стоящим в самом последнем ряду.

Он опустил глаза, подавляя в себе любые эмоции.

Оставалось только ждать.

Банкет в честь дня рождения продолжался, но миссия Юань-эра была выполнена.

Когда император приказал ему уйти, он послушно удалился, отошел в сторону и замер — тихий, незаметный, ни с кем не спорящий и ничего не требующий.

Те, кто прежде насмехался над ним, теперь смотрели на него иначе. В их взглядах читались опаска, любопытство и попытки оценить скрытую угрозу. Но никто больше не решался отпускать колкости.

Юань-эр стоял не шелохнувшись, глядя прямо перед собой.

Он чувствовал на себе их взгляды, но сам не смотрел на них.

В его мыслях звучали слова брата Лина:

— Сказал, что нужно, — и отходи в сторону. Не болтай лишнего, не суепись, не выказывай торжества.

— Чем скромнее ты себя ведешь, тем меньше они понимают, чего от тебя ждать.

— Пусть император запомнит тебя, этого достаточно. Остальное придет со временем.

Он всё исполнил в точности.

Банкет наконец завершился.

Император поднялся и ушел, все присутствующие проводили его на коленях. Лишь когда ярко-желтый силуэт скрылся за дверями зала, атмосфера внутри стала понемногу разряжаться.

Люди начали расходиться, кто-то перешептывался, кто-то украдкой поглядывал в сторону Юань-эра.

Юань-эр не двигался.

Он ждал.

Через некоторое время к нему подошел главный евнух с той самой загадочной улыбкой, которую невозможно было прочесть.

— Седьмой принц, — произнес он. — Воля императора такова: положенное довольствие для холодного дворца отныне будет выдаваться ежемесячно в полном объеме. Обслуживающий персонал также будет перераспределен. Ваше Высочество, возвращайтесь пока к себе,

отдохните, а через несколько дней мы всё обсудим.

Юань-эр кивнул:

— Благодарю вас, господин.

Главный евнух снова улыбнулся и удалился.

Юань-эр проводил его взглядом.

Довольствие выдавать. Персонал перераспределить. Через несколько дней обсудить.

Больше — ничего.

Ни наград, ни особых милостей, ни переезда в другие покои. Совсем ничего.

Он остался тем же седьмым принцем, живущим в холодном дворце.

Просто теперь никто не посмеет урезать его паек.

Только и всего.

Юань-эр опустил голову, глядя на носки своих туфель.

Он вдруг вспомнил, что говорил ему Ли Лин вчера вечером:

— После завтрашнего дня император может дать тебе какую-то подачку, а может и ничего не дать. Если ничего не даст — не разочаровывайся.

— Почему?

— Потому что это проверка. Он хочет посмотреть, начнешь ли ты скандалить, требовать своего, не выдашь ли себя. Ты должен просто вернуться в холодный дворец, ничего не требуя, и заниматься своими делами.

— А если... если он действительно ничего не даст?

Ли Лин посмотрел на него и ответил:

— Это даже лучше.

— Лучше?

— Значит, ты его заинтересовал. На тех, кто ему безразличен, он даже не тратит времени на проверки.

Тогда Юань-эр не совсем понял.

Теперь он начал понимать.

Отец сегодня отомстил за него, заставил обидчиков заплатить по счетам. Но он не одарил его, ничего не дал, лишь велел ждать.

Это была проверка.

Император смотрел, не потеряет ли он голову от радости, не воспользуется ли случаем, чтобы что-то выпросить, и действительно ли он такой, каким показал себя сегодня — не претендующий на власть, а лишь жаждущий внимания отца.

Юань-эр поднял голову, уголки его губ слегка дрогнули.

Он вспомнил последние слова Ли Лина:

— Если просто вернешься и будешь послушно ждать, ты победил.

Он развернулся и направился к выходу.

В толпе Ли Лина уже не было.

Он знал, что тот будет ждать его в холодном дворце.

Юань-эр проделал весь путь до холодного дворца пешком.

Смеркалось, закатное солнце окрасило длинный коридор дворца в золотой цвет. Он шел медленно, колени всё ещё ныли, но ему было всё равно.

Он думал о сегодняшнем дне.

Столько людей, столько взглядов, столько козней — он справился со всем этим.

Не потому, что он такой выдающийся, а потому, что брат Лин заранее расписал каждый его шаг.

— Кто-то будет смеяться над тобой.

— Кто-то скажет, что ты приносишь несчастья.

— Кто-то спросит, откуда у тебя эти раны.

— Император спросит, кто научил тебя этим словам.

— Император может спросить, чего ты хочешь.

Всё сбылось.

Каждый вопрос, каждая колкость, каждый взгляд — всё было заранее просчитано тем человеком.

Как он это делает?

Юань-эр не мог постичь.

Но он знал одно: этот человек невероятен. Он сильнее и мудрее всех, кого Юань-эр когда-либо встречал.

Почему такой человек остался в холодном дворце прислуживать ему?

Впереди показались ворота холодного дворца.

Юань-эр прибавил шагу, прихрамывая.

Он толкнул дверь — во дворе было пусто.

Он направился к боковому флигелю.

Ли Лин уже вернулся и сидел у входа, при последнем дневном свете дошивая чью-то одежду.

Услышав шаги, он поднял голову.

Их взгляды встретились.

Юань-эр вдруг не нашелся что сказать.

Он хотел рассказать, как опасно было сегодня, как он чуть не оплошал. Хотел сказать, что все слова, которым его научили,годились. Что люди больше не смели смотреть на него свысока. Что отец отомстил за него, но ничего не подарил.

Но в итоге произнес лишь:

— Брат Лин, я вернулся.

Ли Лин посмотрел на него и кивнул.

Взгляд его был спокойным, но Юань-эр заметил в его глазах свет.

— Голоден?

Юань-эр замер, затем покачал головой, но тут же кивнул.

Ли Лин поднялся и пошел на кухню.

Юань-эр, как обычно, последовал за ним.

Сделав несколько шагов, Ли Лин внезапно остановился и обернулся.

— Сегодня ты был хорош.

Юань-эр оцепенел.

Впервые он слышал от Ли Лина столь прямую похвалу.

Он открыл рот, желая что-то ответить, но не знал слов. В конце концов он просто опустил голову, его лицо слегка покраснело, а уголки губ сами собой поползли вверх.

Ли Лин больше ничего не сказал и продолжил путь на кухню.

Ужин был простым: разогретые лепешки, оставшиеся с обеда, и каша.

Юань-эр ел быстро, но по-прежнему сдержанно, не издавая ни звука.

Ли Лин сидел рядом, не притрагиваясь к еде, и просто смотрел на него.

Закончив, Юань-эр поднял голову и встретился с ним взглядом.

— Брат Лин, — вдруг спросил он, — почему ты не ешь?

Ли Лин ответил:

— Не голоден.

Юань-эр смотрел на него.

Он знал, что Ли Лин лжет. Сегодня они ничего не ели, с самого утра ждали у места банкета и простояли на ногах до самого вечера.

Но он не стал переспрашивать.

Потому что знал — толку не будет.

После ужина Ли Лин принялся убирать посуду.

Юань-эр сидел на пороге, глядя ему в спину.

Закат уже полностью погас, на горизонте осталась лишь последняя полоска красного цвета. В холодном дворце сгущались сумерки, но на кухне горела масляная лампа, и её свет пробивался наружу, освещая двор.

Юань-эр вдруг ощутил покой.

Сегодня он был в таком величественном месте, видел столько людей, произнес столько слов. Но вернувшись, он снова оказался здесь, рядом с этим человеком.

Ничего не изменилось.

— Брат Лин, — позвал он.

Ли Лин отозвался из кухни:

— М?

— Отец мне ничего не дал.

Ли Лин промолчал.

Юань-эр продолжил:

— Главный евнух сказал: довольствие выдавать, персонал сменить, а остальное... обсудим через несколько дней.

Ли Лин по-прежнему молчал.

Юань-эр подождал немного и не выдержал:

— Это... это хорошо?

Ли Лин вышел из кухни и сел рядом с ним.

Он смотрел в ночную даль и лишь спустя время произнес:

— А ты как думаешь?

Юань-эр задумался:

— Ты вчера говорил, что если ничего не даст, значит, отец обратил на меня внимание. Что это проверка.

Ли Лин кивнул.

Юань-эр добавил:

— Значит, я сегодня... не совершил ошибки?

Ли Лин повернул к нему голову.

В лунном свете глаза мальчика ярко блестели, в них читались ожидание, тревога и крошечная надежда на похвалу.

Ли Лину вдруг стало смешно.

Этот ребенок — такой грозный там, снаружи, — здесь оставался прежним.

— Не совершил, — ответил он.

Глаза Юань-эра вспыхнули.

— Правда?

— Да.

Юань-эр посмотрел на него и вдруг улыбнулся.

Эта улыбка была такой чистой, словно лунный свет, весенний ветер — всё самое светлое, что только есть на свете.

— Брат Лин, — сказал он, — я так счастлив.

Ли Лин смотрел на него.

— Чему ты радуешься?

Юань-эр подумал и ответил:

— Радуюсь... что теперь смогу часто видеть отца.

Он помолчал и добавил:

— И радуюсь... что смог вернуться.

Ли Лин ничего не сказал.

Он понимал, о чем говорит мальчик.

Он радовался не наградам и не милостям.

Он радовался тому, что его заметили.

Заметил отец.

Пусть это было лишь «заходи почаще», пусть не было никаких подарков. Но для него этого было достаточно.

Потому что последние семь лет его никто не замечал.

Ли Лин отвел взгляд, глядя в ночную мглу.

В душе этого ребенка что-то начало меняться.

И это хорошо.

В глубинах дворца невозможно выжить, если у тебя нет ни к чему стремления.

Но он знал, что некоторые вещи останутся неизменными.

Например, этот взгляд, который каждый раз загорается при виде него, и это мягкое: Брат Лин.

Ли Лин поднялся.

— Спи, — сказал он. — Завтра рано вставать.

Юань-эр кивнул и тоже встал.

Уже у входа он вдруг обернулся.

— Брат Лин.

— Да?

— Спасибо тебе.

Ли Лин посмотрел на его маленькое лицо, освещенное лунным светом, на сияющие глаза.

Он ничего не сказал, лишь кивнул.

Юань-эр улыбнулся и скрылся в комнате.

Ли Лин остался стоять, глядя на закрывшуюся дверь.

Затем он поднял голову и посмотрел на луну.

Сегодня всё удалось.

Даже лучше, чем он рассчитывал.

Глава 16: Расправа

Три дня спустя пришел императорский указ.

Не лично Юань-эру, а всем обитателям дворца.

В тот день после обеда главный евнух лично явился в холодный дворец. За ним следовал отряд евнухов с сундуками, а позади них вели нескольких связанных по рукам и ногам людей с кляпами во ртах. Их заставили встать на колени у ворот холодного дворца.

Юань-эр стоял во дворе, наблюдая за ними.

Сунь «Живодер» стоял на коленях в самом первом ряду. Исчезла его привычная льстивая улыбка, волосы были растрепаны, на лице виднелись кровавые полосы, одежда порвана — он выглядел как побитая собака.

За ним были и другие. Из Ведомства внутренних дел, из Восточного завода, были и незнакомые лица.

Но Ли Лин их узнал.

Тот евнух средних лет, что угрожал ему в боковой комнате Восточного завода, был среди них.

Сейчас он тоже стоял на коленях, лишившись своего высокомерия, и дрожал так, будто его бил озноб.

Главный евнух подошел к воротам, поклонился Юань-эру с той самой загадочной улыбкой.

— Седьмой принц, воля императора такова. Все эти люди — те, кто долгие годы творил бесчинства в холодном дворце, и те, кто поднимал на вас руку, — все они здесь. Император велел вам лично наблюдать за правосудием.

Юань-эр замер и перевел взгляд на Ли Лина.

Ли Лин стоял позади него, на его лице не дрогнул ни один мускул.

Главный евнух заметил этот жест, усмехнулся, но ничего не сказал.

Он отступил на шаг и махнул отряду евнухов:

— Начинайте.

Первым выволокли Сунь «Живодера».

Его прижали к земле, вырвали кляп. Он тут же начал молить о пощаде, его голос был визгливым и хриплым:

— Седьмой принц! Седьмой принц, пощадите! Раб осознал свою вину! Раб был слеп! Раб больше никогда не посмеет!

Юань-эр смотрел на него.

Он слышал об этом человеке. Маленький евнух, что прислуживал ему раньше, каждый раз, возвращаясь с раздачи, упоминал его имя. Говорил о его лживой улыбке, о том, как он обдирает всё до нитки, как ворует положенное.

Теперь Сунь «Живодер» стоял на коленях перед ним, заливаясь слезами, и бился лбом о землю так, будто молотил зерно.

Юань-эр молчал, просто глядя на него.

Главный евнух взмахнул рукой.

Палач поднял палку и с силой опустил её на спину осужденного.

Хлоп!

Раздался сухой звук, Сунь «Живодер» взвыл.

Хлоп!

Ещё удар.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Удары следовали один за другим, крики Суня становились всё тоньше, переходя в плач, а затем в предсмертный стон.

Юань-эр стоял не шелохнувшись.

Ли Лин за его спиной тоже был неподвижен.

Он видел слишком много подобных сцен. Но для ребенка это был первый раз.

Он смотрел.

Он не отвернулся, не закрыл глаза, просто смотрел.

Звуки ударов долго раздавались у ворот холодного дворца.

Стоны Суня стихали, пока не превратились в тихое всхлипывание.

Через некоторое время всё затихло.

Палач проверил дыхание и кивнул главному евнуху.

Тот махнул рукой, приказывая убрать тело.

Труп Суня уволокли, оставив на земле длинный кровавый след.

Вторым вывели того самого евнуха из Восточного завода.

Он держался стойко, не молил о пощаде, а лишь сверлил взглядом Ли Лина.

— Это ты, — прохрипел он. — Это всё твоих рук дело.

Ли Лин смотрел на него, не отвечая.

— Ты ещё поплатишься... — процедил евнух сквозь зубы. — Думаешь, победил? Ты, никчемный евнух из холодного дворца, ты думаешь...

Он не успел договорить — палка опустилась на него.

Хлоп!

Он вскрикнул, его слова оборвались.

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Удары сыпались один за другим, ещё сильнее, чем раньше. Стойкость евнуха быстро испарилась, он начал кричать, молить о пощаде, вопить, чтобы его пощадили.

Никто не обращал на него внимания.

Юань-эр смотрел на него и вдруг вспомнил.

Те полмесяца, что Ли Лин провел в Восточном заводе, он вернулся весь в ранах. Синяки, кровавые полосы, боль в ребрах, от которой он не мог оправиться несколько дней — всё это было делом рук этого человека.

Сколько страданий выпало на долю брата Лина за те две недели, он не знал. Брат Лин никогда не рассказывал.

Но этого человека он узнал.

Удары продолжались.

Крики евнуха слабели.

Вскоре он тоже затих.

Третий, четвертый, пятый.

Одного за другим их выводили, одного за другим били, один за другим они выпускали дух.

Кто-то молил, кто-то храбрился, кто-то проклинал, кто-то плакал. Но конец у всех был один.

У ворот холодного дворца кровь собралась в небольшую лужу, стекая по швам каменных плит — зрелище, от которого бросало в дрожь.

Ли Лин стоял за спиной Юань-эра, не проронив ни слова.

Он смотрел, как они умирают, на его лице не было ни тени эмоций.

Все эти люди когда-то издевались над Юань-эром. Обворовывали его, били, пугали, угрожали.

Теперь их не стало.

Он вдруг вспомнил слова того евнуха в боковой комнате Восточного завода:

— В холодном дворце, если кто и умрет, никто не спросит.

Теперь же здесь умирали они сами.

Когда вывели последнего, Юань-эр вдруг шевельнулся.

Он сделал шаг вперед и посмотрел на человека.

Это был совсем молодой евнух, незнакомый, намного моложе остальных. Его прижали к земле, он дрожал всем телом, заливаясь слезами.

— Седьмой принц! Седьмой принц, пощадите! — кричал он. — Раб был лишь посыльным! Я не

бил вас! Я просто... просто приносил вещи... приносил и уходил...

Юань-эр смотрел на него.

Он припомнил этого человека.

Самый молодой из всех, кто приходил устраивать беспорядки. Он почти не участвовал в избиениях, просто подстрекал, пару раз кинул камень, перелезал через забор.

Не такой уж злодей, но всё же один из них.

Юань-эр посмотрел на него некоторое время, затем повернулся к Ли Лину.

Ли Лин встретил его взгляд, но ничего не сказал.

Он просто стоял и ждал, пока тот сам примет решение.

Юань-эр снова повернулся к молодому евнуху.

Тот продолжал плакать и молить, его трясло мелкой дрожью.

— Седьмой принц... умоляю... пощадите раба... я больше никогда не посмею...

Юань-эр помолчал, а затем произнес:

— Ты кидал камни.

Лицо евнуха побелело.

— Перелезал через стену.

Его затрясло ещё сильнее.

— Ходил за ними следом много раз.

Евнух уже не мог вымолвить ни слова.

Юань-эр посмотрел на него и добавил:

— Но ты меня не бил.

Евнух замер.

Юань-эр повернулся и слегка поклонился главному евнуху.

— Господин, — сказал он, — нельзя ли... с этим человеком обойтись чуть мягче?

Главный евнух удивился, а затем улыбнулся.

Эта улыбка была искреннее, чем прежде.

— Седьмой принц милосерден, — произнес он и махнул рукой. — Двадцать палок — и вышвырните его вон.

Евнуха уволокли, вскоре раздались звуки ударов и крики.

Юань-эр больше не смотрел.

Он повернулся к Ли Лину.

Ли Лин сохранял прежнее выражение лица, но Юань-эр заметил, как дрогнули уголки его губ.

Была ли это улыбка?

Юань-эр не знал.

Но он понимал, что брат Лин, должно быть, не огорчен.

Последнего человека тоже уволокли.

Кровь у ворот холодного дворца растеклась широким пятном, воздух был пропитан тяжелым запахом железа.

Главный евнух подошел и снова поклонился Юань-эру.

— Седьмой принц, с этими людьми покончено. Отныне никто в холодном дворце не посмеет чинить беспорядки.

Юань-эр кивнул, его голос звучал тихо:

— Благодарю вас.

Главный евнух улыбнулся и увел своих людей.

У ворот холодного дворца остались только они двое.

И залитая кровью земля.

Юань-эр стоял, глядя на эту кровь, на длинные следы волочения, на последние следы тех, кто когда-то издевался над ним.

Он думал, что испугается, но страха не было.

Он вдруг вспомнил слова своей матери-наложницы:

— В этом дворце некоторые люди не заслуживают жизни. Пока они живы, добрым людям не выжить.

Тогда он не понимал, но теперь понял.

Ли Лин подошел и встал рядом, не произнося ни слова, просто разделяя с ним этот момент.

Спустя долгое время Юань-эр вдруг спросил:

— Брат Лин.

— М?

— Тот человек... тот маленький евнух, я попросил обойтись с ним мягче, я ошибся?

Ли Лин опустил взгляд на него.

В глазах мальчика были неуверенность, смятение и растерянность человека, впервые решившего чью-то судьбу.

<http://bllate.org/book/18783/1823134>